

УДК 904:656.12](571.1)
DOI 10.17223/19988613/38/14

Е.В. Барсуков

ТЕМЕРЧИНСКАЯ ВОЛОСТЬ И ТЕМЕРЧИНЦЫ В СОСТАВЕ ТОМСКОГО УЕЗДА XVII в.

*Статья подготовлена при поддержке Томского государственного университета (проект № 8. 1. 19. 2015.
«Археолого-этнографические исследования Сибири: наука, образование, музей»).*

Статья посвящена Темерчинской волости, являвшейся в начале XVII в. одной из 22 инородческих волостей Томского уезда. Население волости проживало на территории современного Кожевниковского района Томской области, в его правобережной части. Свообразным административным центром волости на всем протяжении ее истории являлись юрты Каштаковские. Анализируются основные события истории волости в XVII в., а также обстоятельства вхождения темерчинцев в состав уезда. На основании данных письменных источников и сведений, собранных этнографами в XX в., рассматривается вопрос о территории, находящейся во владении темерчинцев. На сегодняшний день среди исследователей нет единства относительно этнической принадлежности населения этой волости, а этногенез и ранняя история темерчинцев до сегодняшнего дня остаются практически не изученными. Сами жители волости и пос. Каштаково в конце XIX и даже середине XX в. упорно связывали историю своего поселения с именем Кучума.

Ключевые слова: Томский уезд; Темерчинская волость; инородческая волость; тюрки; селькупы; Кучум; позднее Средневековье.

Еще в середине прошлого века З.Я. Бояршинова сетовала на то, что мы не имеем в нашей литературе сколько-нибудь удовлетворительного описания этнических групп, населявших в XVII в. Томский район [1. С. 33]. Объем исследовательской литературы с того времени возрос многократно, однако на фоне массива исследований общего характера некоторые конкретные сюжеты остаются дискуссионными либо слабо разработанными. Один из таких сюжетов связан с историей темерчинцев, которые в начале XVII в. составляли одноименную волость.

О событиях XVII в., имеющих отношение к этой волости, сведений не так уж и много. В грамоте князя Тояна среди групп населения, проживающих по соседству с эуштинцами, темерчинцы не упоминаются [2. С. 207–209]. Это говорит о том, что к концу XVI в. это была небольшая группа, входившая в более многочисленное объединение либо находившаяся в зависимости от него. Н.Ф. Емельянов считает, что темерчинцы до основания Томска входили в число 300 ясачных людей князя Тояна, которых он обещал отдать под государеву руку [3. С. 25].

После прихода русских темерчинцы первые несколько лет вносили ясак в казну. Численность плательщиков ясака в этот период равнялась 15 чел. Нужно сказать, что на фоне других волостей Темерчинская не выглядела малолюдной. Из 22 волостей она по численности уступала только Большой Провской, Мелесской-Туталовой, Мелесской, Кортульской, Каргачиной [1. С. 89–91]. Используя коэффициент 4, предложенный Б.О. Долгих для определения численности населения волостей по числу плательщиков ясака, можно предполагать количество жителей, равное 60. Однако возможность подобных определений, исходя из данных ясачных цифр, неоднократно подвергалась критике [4. С. 51].

Из письменных источников известны имена нескольких возглавлявших волость князьцов. В начале

XVII в. в этой роли упоминается Тазак [1. С. 62]. В 1685 г. в качестве темерчинского князьца фигурирует Илибек Курмышев [5. С. 109]. В самом начале XVIII в. во главе волости был Саузарак [6. С. 3].

Вскоре после основания Томска по неизвестным причинам темерчинцы выходят из орбиты русского влияния и становятся кыштымами чатского мурзы Касая. В 1626 г. русская администрация начинает «тяжбу» с чатами за возвращение темерчинцев в состав ясачного населения. В ясачной книге 1631 г. З.Я. Бояршинова обнаружила интересную запись: «Томского уезду волости с Тымерчи, а в ней 15 человек, а в прежней де годех, как Томский город стал, давали они ясаку в государеву казну, а ныне теми людьми владеет Томского ж уезду чатцкой мурза Касай, и они де Осип и Иван чатцкого мурзу Касая расспрашивали, почему он теми людьми владеет. И чатцкой мурза Касай им сказал, что у него на тех людей, почему он ими владеет, есть прежних государей грамота, дана ему как был на Москве». Касай представить грамоту, удостоверяющую его права на владения темерчинцами, в Томскую съезжую избу не смог [1. С. 36]. В 1631 г. томские воеводы включили, теперь уже окончательно, темерчинцев в количестве всего лишь 10 человек в состав ясачного населения, восстановив Темерчинскую волость. Убыль населения волости Н.Ф. Емельянов объясняет тем, что часть темерчинцев была уведена чатами и телеутами за пределы уезда [3. С. 26]. Ничего необычного в этом нет, в источниках XVII в. часто упоминаются чатские кыштымы и холопы. Встречаются сведения о «холопах» чатов, проживающих непосредственно на Оби, не исключено, что речь идет именно о темерчинцах [7. С. 133].

Совокупность имеющихся в нашем распоряжении указаний позволяет определить территорию темерчинцев западной частью междуречья Томи и Оби, а если точнее, то фрагментом ее правобережной долины в

пределах юга Томского Приобья. О локализации на правобережье свидетельствуют даже современные топонимы. На картах здесь располагается Темерчинская лесная дача, которая отмечается приблизительно в районе Нижних озер, на значительном удалении от русла Оби [8. С. 64–65].

На «Чертежах» С.У. Ремезова, которые являются, на наш взгляд, наиболее информативным в этом плане источником, темерчинцы отмечены в междуречье Тагана и Оби [9, 10]. Эти данные хорошо дополняются сведениями Г.Ф. Миллера, согласно которым волость находилась на правобережье Оби: «Темерчинская или Чемерчинская волость... на восточном берегу р. Оби, рядом с Уртамским острогом» [11. С. 82]. Подобной точки зрения, не считая мелких разногласий, придерживались и исследователи XIX–XX вв. В частности, Б.О. Долгих оставляет за темерчинцами в конце XVI – начале XVII в. не только правобережную часть долины Оби, но и значительный фрагмент левобережья р. Оби (между устьем Томи и землями чатов) [12]. Это представляется маловероятным и не подтверждается другими источниками. По нашему мнению, исторической действительности в большей степени отвечает размещение темерчинцев на «Карте ясачных волостей...» И.П. Кузнецова-Красноярского [6]. Поправки возможны только в том, что в XVII в. этой группе населения вряд ли принадлежал отрезок правого берега от современной границы Томской области и до устья Томи.

По сведениям жителей Каштаково середины XX в., их предки владели территорией от Киреевска до Кругликова [13. С. 39]. О границах территории темерчинцев этнографами были получены и более конкретные указания, однако топонимы, которые были использованы в качестве ориентиров, не известны на современных картах. Например, Николай Васильевич Теушаков, прадед которого был «князем волости», указывал, что темерчинцы имели в вечном владении земли и леса по правую сторону р. Оби Томского округа. Южная граница – исток Карабчин, северная граница – исток Кучмень, западная – р. Обь, восточная – Терецкий хребет [Там же. С. 25]. Карабчин, вероятнее всего, находился немного к северу от д. Кругликово. Под Терецким (возможно, Кирекским?) хребтом можно предположить коренной берег Оби, который удален на этом отрезке реки на значительное расстояние и фиксируется в виде крутого уступа у д. Кирек. Относительно названия Кучмень ясности нет, нам известно только одно озеро под названием Верхний Кучмень, расположенное в пойме. Что имел в виду информатор, не совсем понятно.

Несмотря на условность территориальных границ Темерчинской волости, для нас несомненный интерес представляет тот факт, что центр их владений локализуется в пределах фрагмента поймы, известного в географии как Каштаковский пойменный сегмент. Эта территория была своеобразным «историческим» ядром, здесь располагался «административный центр» воло-

сти – юрты Каштаковы (Темерчинские, Чемерчинские). Одно из самых ранних упоминаний о нем относится к концу XVII в., времени основания Уртамского острога. Покосы жителям острога и слободы отводились на правом берегу Оби, по р. Таган. В качестве ориентира упоминаются старые Каштаковские юрты [5. С. 123–124]. Упоминаются Каштаковские юрты и в ясачной книге 1751 г. [14. С. 307]. Этот населенный пункт фиксируется самыми ранними из известных нам картографических материалов. На «Чертежах» С.У. Ремезова юрты обозначены без названия на лугу у оз. Таган [9]. На «Карте Тобольского наместничества...» конца XVIII в. центр волости имеет название «Темерчинская», однако локализуется приблизительно в том же районе [15]. Совершенно очевидно, что в пределах этого пойменного фрагмента юрты неоднократно меняли свое местоположение, в то же время, учитывая природно-географическую специфику, участки, где они могли располагаться, вполне прогнозируемы. Нужно заметить, что их локализация сохранялась на всем протяжении существования волости в пределах этого «исторического» центра. Интересно, что в XX в. местонахождение старой деревни местные жители определяли районом кладбища [13. С. 7]. По сведениям А.П. Дульзона, д. Старая Каштакова была расположена в 1,5 км от «современной» Каштаковой, на возвышенном месте, южная и юго-западная сторона которого оканчивается отвесной крутизной [16. С. 102]. Как показало рекогносцировочное обследование этого района в 2014 г., именно здесь и располагается старое кладбище Каштаково.

В исследованиях, посвященных истории Томского уезда, население волости именуется «темерчинцами» и характеризуется как отдельная группа. Однако в тех немногочисленных документах, которые нам известны, имя «темерчинцы» не употребляется. Они называются «татарами», «иноземцами», «людьми», «людишками», и только по отношению к волости применяется название «Темерчинская». Даже в середине XX в. жители Каштаково сообщали, что «было управление Темерчинское, но людей темерчинцами не называли» [17]. Интересно, что в XVIII в. инородческому населению эта волость была известна под названием «темерци-йон». На это указывают данные исследователей, работавших на территории Приобья в составе экспедиций XVIII в., прежде всего И.П. Фалька, который в 1771–1772 гг. собрал уникальные материалы [18. С. 555]. Ему удалось зафиксировать еще существовавшие в это время инородческие названия волостей. По мнению А.П. Дульзона, это название переводится с тюркского, как «народ-кузнецы» [14. С. 307].

В самых ранних документах волость также названа «Тымерчи» и только к середине XVII в. именуется в привычной для русских огласовке – Темерчинской. Темерчинцы включаются современными исследователями в группу «обских татар». Нужно заметить, что этот термин во многом условный и применяется иссле-

дователями в отношении тюркоязычного населения, которое проживало на р. Оби севернее и южнее устья р. Томи и было различного происхождения. Впервые термин «обские татары» употребил И.-Г. Георги, тем самым он пытался подчеркнуть различия между тюркским населением Оби и томскими, тобольскими татарами [19. С. 249].

Включение темерчинцев в состав этой группы обусловлено скорее географически. Обскими татарами они стали потому, что проживали на Оби. Нужно заметить, что сам И.-Г. Георги называл так население Оби «от устья Тома до самого почти Нарыма вниз». Он включал в состав этой группы 16 волостей, население которых живет в 54 деревнях [Там же]. Неоднократно отмечалось, что «исторический путь» темерчинцев отличается своеобразием. Может, по этой причине исследователи, характеризуя «обских» татар, отдельно останавливались именно на их «исторической» судьбе.

К сожалению, этногенез и ранняя история темерчинцев до сегодняшнего дня остаются практически не изученными. Совершенно прав Н.А. Томилов, делая вывод, что проблема происхождения темерчинцев – белое пятно в сибирской этнографии [20. С. 227]. Имеющихся в распоряжении исследователей материалов письменных источников и данных этнографии оказалось недостаточно для решения этой проблемы. Не могла помочь в этом и лингвистика. К сожалению, язык темерчинцев остался неизученным. Еще в середине XX в. жители Каштаково указывали, что никто не знает свой язык, «уже сотню лет как забыли» [13. С. 2]. В 1953 г. А.П. Дульзон беседовал с коренным жителем Каштаково, которому было 68 лет. Ни одного слова по-татарски он не знал, «...как и остальные жители этой деревни; уже их родители забыли свое родное наречие» [14. С. 308]. Интересно, что данные были получены им не в Каштаково, а совершенно в другом месте, в Байдоново (Петрово). Одним из здешних жителей был П.И. Теушаков, являвшийся выходцем из Каштаково. Собственно, с его слов А.П. Дульзон узнал об археологических памятниках этого района, а также сделал вывод, что в Каштаково никто не знает ни одного слова по-татарски [21. С. 6–7]. На сегодняшний день представители этой группы «растворились» среди населения Приобья.

Относительно их этнической принадлежности на момент появления в Приобье русских существуют две взаимоисключающие точки зрения. По одной из них темерчинцы являются тюркской группой, причем исследователи, в частности Н.А. Томилов, считают, что они являются остатками довольно ранних тюрков на р. Оби, расселенных в прошлом шире и связанных не только с эуштинцами, но и с телеутами, абинцами и шорцами. В этом случае, естественно, как тюркоязычная группа они сложились задолго до прихода русских [20. С. 227]. «Татарской» эту волость считают и А.П. Дульзон, и З.Я. Бояршинова. Последняя, указывая на недостаток информации для окончательного вывода

по этому вопросу, все же склоняется к их тюркской принадлежности. По ее мнению, в Томском Приобье до прихода русских проживали разрозненные группы тюркоязычного населения, одной из них, заселявшей в этот период междуречье Томи и Оби, были темерчинцы [1. С. 33–36].

В ясных книгах волости часто делятся на остяцкие и татарские. К сожалению, это не являлось общим правилом и характерно не для каждого года. Самая ранняя книга, в которой Темерчинская волость попадает в перечень татарских, датируется 1664 г. [Там же. С. 38]. В конце XVII – начале XVIII в. интересующая нас волость также регулярно помещается в раздел татарских. Это зафиксировано в окладных книгах [6].

Не противоречит тюркской принадлежности населения этой волости и ее местное инородческое название – «темерци-йон». Структура этого наименования, по мнению Э.Л. Львовой, безусловно, имеет тюркское происхождение [22. С. 68]. Интересно, что в материалах Фалька и Миллера волости с преимущественно остяцким населением включали в название термин «аймак». Хотя сам Г.Ф. Миллер замечает, что остяки заимствовали его от татар. Тогда как применительно к волостям, населенным тюрками, используется термин «юн». Особенно ярко это прослеживается по материалам И. Фалька [18].

В русле затронутых проблем невозможно пропустить интересные наблюдения Э.Л. Львовой, имеющие отношения, в том числе, и к темерчинцам. Анализируя названия инородческих волостей, зафиксированные И.П. Фальком в Томском уезде XVIII в., она замечает, что происхождение некоторых из них, в том числе и Темерчинской (в материалах Фалька – «темерци-йон»), можно возвести к теле-уйгурскому источнику. Они встречаются в перечне 15 древнейших телеских поколений либо известны как названия родоплеменных единиц в составе тюркских народов, несомненно, связанных с древней теле-уйгурской этнической языковой средой [22. С. 69]. Конкретно – сходство названий кости-сёока темерчин (темурчин) у желтых уйгуров – прямых этнических потомков уйгуров теле, и названия интересующей нас волости, Темерчи (Тымерчи) [Там же]. Это, конечно, окончательно не определяет этнические корни темерчинцев, однако представляет серьезный повод для размышлений.

Совсем в другом ключе, применительно к этнической принадлежности темерчинцев, была сформулирована гипотеза Н.Ф. Емельяновым. Он полагал, что в первой половине XVII в. население 11 томских низовых волостей по Оби, в том числе и Темерчинской, было в основном селькупским. Однако общая тенденция в сторону расширения тюркского влияния в районе привела к тому, что уже со второй половины XVII в. население Темерчинской волости становится смешанным, остяко-татарским [3. С. 26–28]. Тем не менее часть «остяков» на протяжении второй половины XVII в. еще продолжала жить в Темерчинской во-

лости, юртах Каштаковых и Евтюшиных. Более того, по его мнению, «остяки» фиксируются здесь по документам вплоть до середины XVIII в. [23. С. 98]. В этот период они учитываются как обские новокрещены и только к концу XVIII в. упоминаются как обские татары [24. С. 76].

Нам представляется, что Н.Ф. Емельянов, характеризующий темерчинцев как самую южную группу самодийского населения, изолированную и окруженную со всех сторон тюрками, приводит не бесспорную аргументацию. Алгоритм его размышлений подкрепляет документ, который датируется 1748 г.: в нем речь идет о «крещеных иноземцах» Темерчинских юрт и «новокрещенных остяках» Евтюшиных юрт [23. С. 98]. О том, что под «крещеными иноземцами» Темерчинских юрт, центра интересующей нас волости, подразумеваются темерчинцы, сомневаться не приходится. По-видимому, под «новокрещеными остяками» юрт Евтюшиных Н.Ф. Емельянов также понимает темерчинцев.

Н.Ф. Емельянов не учитывает тот факт, что в XVIII в. в эти места переселяются группы населения с р. Чулым, которые были также крещены в первой четверти этого столетия. «Новокрещеными остяками» вполне могли называть и их, ведь известно, что часть населения волостей по Нижнему Чулыму было «остяцким», например, это касается Байгульских волостей [6]. Из источников известно, что жители Б. Байгульской волости переселились намного южнее устья Чулыма, даже за пределы Ургамской волости, о чем сам Н.Ф. Емельянов и сообщает. В самом начале XIX в. 25 семей, или 162 жителя Б. Байгульской волости проживали вдали от родных мест, в частности на заимке Кругликовой. По мнению некоторых исследователей, она находилась на территории Темерчинской волости [3. С. 71–72]. Непосредственно в районе д. Евтюшиной населенные пункты переселенцев с Чулыма также зафиксированы прежде всего в материалах Д.Г. Мессершмидта. Он отмечает, что недалеко от Евтюшиной проживали обращенные в христианскую веру переселенцы с Чулыма [25. С. 82]. Возможно, именно они и являются «новокрещеными остяками». Переселенцы с Чулыма были объединены в Обско-Тутальскую волость, которая размещалась южнее с. Богородского. Здесь они обитали в юртах Саргатских, Кульманских, Канаевых, т.е. вплотную с территориями темерчинцев.

В завершающей стадии формирования этой небольшой группы непосредственные соседи, бесспорно, оказали значительное влияние. Темерчинцы включили в свой состав несколько эуштинцев, чатов и, возможно,

барабинцев [26. С. 42]. Однако относительно периода их ранней истории никаких данных на этот счет, кроме местных преданий, нет. Интересно, что сами жители волости и пос. Каштаково в конце XIX и даже середине XX в. упорно связывали историю своего поселения с именем Кучума [16. С. 102]. Согласно им, окрестности юрт Каштаковых, центра Темерчинской волости, стали его «последним пристанищем». Приближенные воины после его смерти, не желая расстаться со своим предводителем, дали обет не покидать его прах и основали в этом районе поселение. По другой версии, основание населенного пункта связано с дочерью Кучума, которая после его нападения на русских следовала на судне вверх по Оби и «заплыла» в один из притоков, которым оказался Таган [16. С. 102; 21. С. 7; 27. С. 15].

В конце XIX в. у Каштаковых был известен также и «Кучумов курган» [28. С. 108]. В 1891 г. его раскапывал С.К. Кузнецов. Результаты исследований были более чем скромными, сам археолог оценил их как отрицательные. В небольшой заметке в «Отчете археологической комиссии» сообщались некоторые подробности этих работ: здесь «оказались только следы большого кургана, давно уже расхищенного, и масса черепков, жженых костей и местной руды или отдельных кусочков расплавленной меди» [Там же].

Коренные изменения в жизни темерчинцев произошли на исходе первой четверти XVIII в. По сведениям И.Г. Георги, «почти все в волостях живущие обские татары были крещены в православную греко-российскую веру около 1720 г.» [19. С. 249]. Не миновали этого и темерчинцы. С этого момента они начинают активно расселяться в русских деревнях и селах [24. С. 78]. Кроме д. Каштаково, темерчинцы в середине XVIII в. проживали в д. Кругликовой, Чесалиной, встречались среди жителей юрт Евтюшиных, д. Чугалиной, Каменской, Канаевой, а также Томска [20. С. 219]. Однако даже после крещения, несмотря на отмеченное расселение по окрестным деревням, историческое ядро волости, юрты Каштаковы, сохраняется вплоть до XX в. [29. С. 126–128].

Не подлежит сомнению, что на фоне недостатка письменных источников, имеющих отношение к XVII в., особую актуальность приобретают археологические материалы с позднесредневековых археологических памятников каштаковской поймы. Использование источников в комплексе с учетом своеобразной природно-географической обстановки этого района позволит реконструировать особенности жизнедеятельности местного населения, а в перспективе – и этнокультурную ситуацию к моменту появления в этой части Приобья русских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Серия историко-филологическая. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
2. Бояршинова З.Я., Голицева Г.А. Первый документ о строительстве русского города на берегу Томи // Из истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 1. С. 202–210.
3. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1980. 252 с.

4. *Малиновский В.Г., Томилов Н.А.* Уникальный документ о переписи чулымских тюрков и чатов в первой ревизии населения (1720 год) // История и культура Сибири : матер. отчетной сессии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. Омск, 1996. С. 47–53.
5. *Емельянов Н.Ф.* Заселение русского Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. 180 с.
6. *Приходные* окладные ясачные книги Томского уезда, 1706–1718 гг. С приложением карт ясачных волостей и снимка с рукописи. Издал Кузнецов-Красноярский. Томск, 1893.
7. *Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв.* : сб. док. / сост. А.Н. Бачинин, В.Н. Добжанский. Кемерово, 2002. Вып. 2. 188 с.
8. *Томская область.* Атлас автодорог. М., 2000. 80 с.
9. *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири, 1701.
10. *The Atlas of Siberia* by Semyon U. Remezov. facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. Gravenhage, 1958.
11. *Элерт А.Х.* Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода : сб. науч. тр. Новосибирск. 1988. С. 59–101.
12. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды института этнографии. М., 1960. Т. 55. 624 с.
13. *Забирова М.А.* Дневники экспедиции в д. КаштакOVO Кожевниковского района Томской области в 1966 г. (Сборы Забировой М.А. Тетрадь № 1) // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 338-1.
14. *Дульзон А.П.* Диалекты татар – аборигенов Томи // Ученые записки. Труды Томского государственного педагогического института. Томск, 1956. Т. 15. С. 297–380.
15. *Карта* Тобольского наместничества // Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий : сочин., гравир. и печатан при Горном училище в 1792 г. Л. 16.
16. *Дульзон А.П.* Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–317.
17. *Забирова М., Карданова К.* Материалы этнографической экспедиции лета 1965 года (Томская область, Кожевниковский район, Вороновский с/с, село КаштакOVO). Собраны Забировой М (студентка 4-го курса), Кардановой К. (студентка 2-го курса) // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 286.
18. *Falk I.P.* Beitrage zur topographischen Kenntniss der Russischen Reichs. St. Petersburg, 1786. В. 3.
19. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007. С. 808.
20. *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск : Издательство Томского университета, 1981. С. 275.
21. *Дульзон А.П.* Материалы по языку и этнографии Нарымских остяков // Архив Томского государственного педагогического университета. Томск, 1953. Т. II.
22. *Львова Э.Л.* Теле-Уйгурские компоненты в составе тюркоязычного населения Среднего Приобья // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 3. История и культура народов Сибири. С. 67–69.
23. *Емельянов Н.Ф.* Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII – в первой половине XIX в. // Из истории Сибири. Томск : Издательство Томского университета, 1976. С. 90–108.
24. *Емельянов Н.Ф.* Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского университета. 1978. С. 73–88.
25. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1962. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. 273 s.
26. *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Сибирские татары // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М. : Наука, 2006. С. 26–122.
27. *Трифорова М.П.* Тетрадь полевых записей № 5 участника этнографической экспедиции ТГУ 1969 г. Руководитель экспедиции Н.А. Томилов // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 363-5.
28. *Отчет* Императорской археологической комиссии за 1891 год. СПб. : Типография императорской академии наук, 1893.
29. *Волости* и инородные управы Томского округа (на кабинетских землях). Список населенных мест с кратким извлечением из материалов по статистико-экономическому исследованию населения 1893–1894 г. Барнаул : Типо-литография М.П. Реброва, 1896. С. 131.

Barsukov Evgeniy V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barsukovevg@mail.ru

TEMERCHINSKAYA VOLOST AND THE TEMERCHINS OF UJEZD TOMSKIY IN XVII CENTURY.

Keywords: Ujezd Tomskiy; volost Temerchinskaya; Turks; Selcups; Kuchum; the late Middle Ages.

The article is dedicated to Temerchinsk volost, one of the twenty two aboriginal volosts of Tomsk province in the early 17th century. After the city of Tomsk was founded, the Temerchins were included in the category of population subject to the payment of yasak. However, in a few years, under unknown circumstances they became the subjects of Chat morza Kasay and turned to be his 'kyshtyms'. It was only in 1631 that they were brought back to the province. Temerchinsk volost was located on the territory of today's Kozhevnikovo district in Tomsk region, on the right bank of it. The significant part of the volost territory was a flood plain rich in waters and wetlands. Throughout its history, the Kashtakovskiyе yurts constituted volost's administrative centre of a kind. The volost was ruled by knyazets. There are names of some of them mentioned in written sources: Tazak, Ilimek Kurmyshev, and Sauzarak. In the early 17th century there were 15 payers of yasak in the volost, whereas by the middle of the century there were only 10. In the 17th century the volost population was referred to in sources as 'Tatars', 'outlanders', 'lyudishki' and the name of Temerchinsk was only used with regard to the volost itself. In the 18th century the aboriginal population knew this volost as being called 'temertsi-yon'. These data were found by J.P. Falck in the 18th century. According to A.P. Dulson, this name is translated from the Turkic language as 'a people of blacksmiths'. The name is not accidental. Archaeologists have discovered a few medieval archaeological sights that largely indicate iron production in the area. As of today, there is no consensus among researchers as to the ethnic origins of the volost population in the 17th century. The ethno-genesis and the early history of the Temerchins still remain virtually unexplored by now. Two extreme research views can be identified in this regard: the Temerchins are a Turkic group that was there in the Ob area before the Russian population came. According to the second view, it was the Selcups that constituted the population of this volost in the early 17th century. As a result of the impact on the part of the Turkic-speaking population they lost their language and culture by the middle of the 18th century. The residents of the volost and of the village of Kashtakovo themselves, in the late 19th and even in the middle 20th century, would persistently relate the history of their settlement to the name of Kuchum. The Kuchum mound was known in the area surrounding Kashtakovo. In the 19th century it was excavated by S.K. Kuznetsov who did not find anything remarkable therein. Drastic changes took place in the life of the Temerchins by the end of the first quarter of the 18th century. Around the year 1720 they adopted Christianity. From that moment, the Temerchins actively started settling in Russian villages and quickly mixed with the neighbouring Russian population.

REFERENCES

1. Boyarshinova, Z.Ya. (1950) Naselenie Tomskogo uyezda v pervoy polovine XVII veka [The population of Tomsk Uezd in the early 17th century]. In: *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriko-filologicheskaya* [Proceedings of Tomsk State University. Series of History and Philology]. Vol. 112. Tomsk: Tomsk State University. pp. 23-210.
2. Boyarshinova, Z.Ya. & Golisheva, G.A. (1970) *Pervyy dokument o stroitel'stve russkogo goroda na beregu Tomi* [The first document on the construction of the Russian city on the banks of the Tom]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 202-210.
3. Emel'yanov, N.F. (1980) *Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'nyuyu epokhu* [The population of the Middle Ob in the feudal era]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Malinovskiy, V.G. & Tomilov, N.A. (1996) Unikal'nyy dokument o perepisi chulymskikh tyurkov i chatov v pervoy revizii naseleniya (1720 god) [A unique document of census of Chulym Turks and Chats in the first revision of the population (1720)]. *Istoriya i kul'tura Sibiri* [History and Culture of Siberia]. Proc. of Session of Omsk Branch of the United Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Omsk. pp. 47-53.
5. Emel'yanov, N.F. (1981) *Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nyuyu epokhu* [The Russian settling the Middle Ob in the feudal era]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Anon. (1983) *Prikladnye okladnye yasachnye knigi Tomskogo uyezda, 1706–1718 gg. S prilozheniem kart yasachnykh volostey i snimka s rukopisi* [Receipt accountant tributary books of Tomsk district, 1706–1718. With a map of tributary townships and an image from the manuscript]. Tomsk: Kuznetsov-Krasnoyarskiy.
7. Bachinin, A.N. & Dobzhanskiy, V.N. (2002) *Kuznetskie akty XVII-pervoy poloviny XVIII vv.* [Kuznetsk acts of the 17th – early 18th centuries]. Kemerovo: Kemerovo State University.
8. Gorshkov, S.V. (2000) *Tomskaya oblast'. Atlas avtodorog* [Tomsk region. Road Atlas]. Moscow: Roskartografiya.
9. Remezov, S.U. (1701) *Chertezhnaya kniga Sibiri* [The Siberian Drawing Book].
10. Remezov, S.U. (1958) *The Atlas of Siberia*. Gravenhage: Mouton.
11. Elert, A.Kh. (1988) *Istoriko-geograficheskoe opisanie Tomskogo uyezda G.F. Millera (1734 g.)* [Historical and geographical description of Tomsk district by G.F. Miller (1734)]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Sources on the history of Siberia in the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Nauka. pp. 59–101.
12. Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and tribal structure of the peoples in Siberia in the 17th century]. In: *Trudy instituta etnografii* [Proceedings of the Institute of Ethnography]. Vol. 55. Moscow: USSR AS.
13. Zabiroya, M.A. (n.d.) *Dnevnik ekspeditsii v d. Kashtakovo Kozhevnikovskogo rayona Tomskoy oblasti v 1966 g. (Sbory Zabiroyoy M.A. tetrad' № 1)* [Diaries of the expedition in the village Kashtakovo Kozhevnikovo district, Tomsk region in 1966 (Zabiroya M.A. Notebook 1)]. The Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Siberian Tomsk State University. № 338-1.
14. Dulzon, A.P. (1956) *Dialekty tatar – aborigenov Tomi* [Dialects of the Tatars, Tom aborigines]. *Uchenye zapiski. Trudy Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 15. pp. 297-380.
15. Anon. (1792) *Karta Tobol'skogo namestnichestva* [The map of Tobolsk governorship]. In: *Rossiyskiy atlas, iz soroka chetyrekh kart sostoyashchiy i na sorok dva namestnichestva imperiyu razdelyayushchiy* [The Russian atlas of forty cards divided into forty-two governorship of the Empire].
16. Dulzon, A.P. (1956) *Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti* [Archaeological sites of Tomsk region]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 5. pp. 89-317.
17. Zabiroya, M. & Kardanova, K. (n.d.) *Materialy etnograficheskoy ekspeditsii leta 1965goda (Tomskaya oblast', Kozhevnikovskiy rayon, Voronovskiy s/s, selo Kashtakovo)* [Materials of the ethnographic expedition in summer 1965 (Tomsk region, Kozhevnikovo District, Voronovo Village Council, village Kashtakovo)]. The Archives of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Siberian Tomsk State University. № 286.
18. Falk, I.P. (1786) *Beytrage zur topographischen Kenntniss der Russischen Reichs* [topographical knowledge of the Russian empire]. St. Petersburg: Academy of Sciences.
19. Georgi, I.G. (2007) *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey* [A description of all people in the Russian state: their everyday rites, usages, clothing, housing, exercise, fun, memorability and other faiths]. St. Peterburg.
20. Tomilov, N.A. (1981) *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [The Turkic-speaking population of the West Siberian plain in the late 16th – early 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Dulzon, A.P. (1953) *Materialy po yazyku i etnografii Narymskikh ostryakov* [Materials on the language and ethnography of Narym Ostyaks]. The Archives of Tomsk State Pedagogical University. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
22. L'vova, E.L. (1981) *Tele-Uygurskie komponenty v sostave tyurkoyazychnogo naseleniya Srednego Priob'ya* [Tele-Uighur components within the Turkic-speaking population of the Middle Ob]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Siberia in the past, present and future]. Issue 3. Novosibirsk: NSU. pp. 67-69.
23. Emel'yanov, N.F. (1976) *Etnicheskiy i chislennyy sostav korennykh narodov Tomskogo kraya v XVII – v pervoy polovine XIX v.* [Ethnicity and population of the indigenous peoples in Tomsk region in the 17th – early 19th centuries]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 90-108.
24. Emel'yanov, N.F. (1978) *Tatary Tomskogo kraya v feodal'nyuyu epokhu* [The Tatars of Tomsk region in the feudal era]. In: Matyushchenko, V.I. & Tomilov, N.A. (eds) *Einokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Ethno-cultural history of the Western Siberian population]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. 1978. S. 73-88.
25. Messerschmidt, D.G. (1962) *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727* [Research trip through Siberia 1720–1727]. Berlin: Akademie-Verlag.
26. Valeev, F.T. & Tomilov, N.A. (2006) *Sibirskie tatary* [Siberian Tatars]. In: Funk, D.A. & Tomilov, N.A. (eds) *Tyurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka. pp. 26-122.
27. Trifonova, M.P. (n.d.) *Tetrad' polevykh zapisey № 5 uchastnika etnograficheskoy ekspeditsii TGU 1969 g. Rukovoditel' ekspeditsii N.A. Tomilov* [Book 5 of the field recordings made by the participant of the ethnographic expedition of TSU in 1969. Expedition leader – N.A. Tomilov]. The Archives of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Siberian Tomsk State University. № 363-5.
28. Anon. (1893) *Otchet Imperatorskoy arkhelogicheskoy komissii za 1891 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission in 1891]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
29. Anon. (1896) *Volosti i inorodnye upravly Tomskogo okruga (na kabinetnykh zemlyakh). Spisok naseleennykh mest s kratkim izvlecheniem iz materialov po statistiko-ekonomicheskomu issledovaniyu naseleniya 1893–1894 g.* [Municipalities and non-Russian Tomsk district councils. List of localities with a brief extract from the materials on statistical and economic research population 1893-1894]. Barnaul: M.P. Rebrov.